

ГЛАВА III. Профилактика синдикализма

Согласно доктрине синдикализма, революционный центр тяжести пролетариата должен быть перенесен с политической партии на профсоюзы, которые изначально носят политически нейтральный характер, но разделяют социалистические взгляды и цели партии. Синдикализм не исключает из системы рабочего движения организацию как принцип, но основывается на необходимости принципа организации. Им движет убеждение, что невозможно избежать опасностей организованной системы через упразднение организации, точно так же невозможно спасти человека от заражения крови или нарушенного кровообращения, выпустив из него всю кровь. Это методы доктора Айзенбарта, которые неизбежно приводят к смерти – в одном случае смерти человека, в другом – к смерти общественного и политического организма. Остается только найти подходящее средство, которое смогло бы по возможности уменьшить влияние неотъемлемого изъяна любой организации: власти меньшинства над большинством. Здесь мы видим политическое учение, среди приверженцев которого множество способных, образованных, великодушных людей, убежденных, что в синдикализме они смогут найти противоядие авторитарной демократии. Но мы должны задаться вопросом: как может противоядие олигархическим тенденциям в организации обнаружиться в методе, который сам по себе происходит из принципа политического представительства? Не находится ли этот принцип в неразрешимом противоречии с антидемократической сутью синдикализма? Другими словами, не подвержен ли синдикализм очевидной антиномии?

Огромное значение синдикализма заключается прежде всего в том, как ясно и глубоко он осознает опасности буржуазной демократии. С поистине научным скептицизмом он сорвал завесу, скрывающую государственную власть демократии, и показал, что на самом деле эта власть является не более чем гегемонией меньшинства, которая находится в острой оппозиции к нуждам рабочего класса[529]. «Демократия намерена продолжать эксплуатировать массовое производство, используя олигархию профессиональной интеллигенции» [530]. Борьба, которую международный синдикализм вел против немецкой социал-демократии, итальянской и французской интеллигенции, профсоюзов, созданных по государственному образцу, в конечном счете может быть сведена к борьбе с партийной демагогией.

Синдикализм, однако, ошибочно приписывает парламентской демократии недостатки, вытекающие из принципа делегирования полномочий и передачи мандатов в целом. Но чем усерднее синдикализм стремится сместить центр тяжести в сторону политики рабочего класса, тем сильнее опасность, что он сам превратится в олигархию. Даже в революционных профсоюзных организациях у лидеров часто появляется возможность одурачить массы. Казначей забастовки, секретарь профсоюза, даже участник заговора или оратор на

баррикадах с легкостью могут предать тех, кто вверил им мандат, и это предательство будет иметь гораздо более серьезные последствия, чем предательство члена парламента или члена городского совета[531]. Часто французские синдикалисты с отчаянным рвением настаивали на том, что так называемое прямое воздействие – единственный способ превратить рабочий класс в автономную массу, не представленную третьими лицами, и а priori исключить любое представительство, «которое может быть только предательством, отклонением или обуржуазиванием»[532]. Но они самовольно ограничивают свою одностороннюю теорию только политической партией, как будто подобные причины не могут иметь аналогичных последствий в профсоюзах, даже самых революционных. Они рассуждают так, как если бы на них самих действие универсальных социологических законов не распространялось[533]. Органическая структура профсоюзов основывается на тех же принципах, что и политическая рабочая партия: интересы рядовых членов профсоюза представляют специально избранные лица[534]. В решающие моменты борьбы за повышение заработной платы массы не представляют себя сами, их представляют другие. Профсоюзы без представителей, без какого-либо исполнительного органа власти немислимы и не существуют (см. ч. IV, гл. 5).

Порой управляющая должность в профсоюзе может стать переходным этапом, чрезвычайно благоприятным для политической карьеры. В немецком парламенте заседают 35 профсоюзных руководителей, в английском – 17. Во Франции заместителями председателя стали два первых постоянных секретаря союза металлургов[535]. Забастовка – прямое действие пролетариата, которое синдикалисты рассматривают как панацею от всех недугов рабочего движения, – предоставляет тем, кто заинтересован в политике, выдающиеся возможности в нужном свете продемонстрировать свои организационные таланты и лидерские способности. То же относится и к политической – всеобщей – забастовке[536]. Для профессиональных лидеров рабочего класса экономическая забастовка часто оказывается тем же, чем война оказывается для профессиональных солдат [537]. Обе представляют собой хорошую возможность для стремительного и головокружительного карьерного роста. Многие лидеры рабочего движения добились чрезвычайно почетных и прибыльных должностей благодаря тому, что провели большую забастовку и привлекли внимание общественности и правительства (см. ч. IV, гл. 5). Своим политическим статусом англичанин Джон Бернс обязан не в последнюю очередь тому, что во время большой забастовки лондонских докеров в 1889 году он заслужил общественное признание как выдающийся стратег и руководитель забастовки. В результате ему удалось завоевать доверие важных представителей организованного рабочего класса, что позже помогло ему перебраться из своего скромного рабочего домишки в резиденцию королевского министра[538]. Один из множества примеров того, как часто забастовка, вместо того чтобы быть полем деятельности равноправных масс, скорее способствует процессу дифференциации и приводит к формированию элиты лидеров[539]. Синдикализм – это партия войны в еще большей степени, чем социал-демократия. Он любит масштабные боевые действия. Стоит ли удивляться тому, что ему власть нужна еще больше, чем ей [540]. В определенных условиях достаточно теоретической пропаганды одной идеи забастовки и прямого действия, чтобы обеспечить предводителям масс власть и влияние, поднять их на плечи толпы, опираясь на которые они смогли бы срывать золотые яблоки с древа жизни. Аристид Бриан, родившийся в Нанте в семье мелкого торговца, вступил в парижское отделение социал-демократической партии и стремительно приобрел славу и

власть среди рабочих как защитник и сторонник всеобщей военной забастовки. Вскоре на волне этой популярности ему удалось занять министерское кресло в Национальном собрании[541]. Отправной точкой его триумфального шествия можно считать нантский профсоюзный съезд (1894)? где он добился включения идеи о всеобщей забастовке в программу французских профсоюзов. Для Бриана так важно было утвердить свой интеллектуальный пролетариат, что он даже хвастался перед своими товарищами, представителями рабочего класса, что слишком беден, чтобы позволить себе хотя бы мебель [542].

Синдикалисты отвергают бюрократическую систему демократического представительства и хотят установить «более агрессивную тактику революционной армии свободы под руководством лидеров, доказавших свою ловкость». Современный руководитель рабочих не имеет права быть бюрократом. Уже сегодня из ниоткуда появляются великие вожди забастовки, как до них появлялись великие вожди революции[543]. Если бы эта точка зрения соответствовала фактам истории (см. ч. V, гл. 3), она могла бы стать лишь генетическим объяснением возникновения власти. Но она могла бы дать больше, если бы смогла доказать, что лидеры забастовки, которые вышли из ниоткуда и необходимость которых не вызывает сомнений, снова исчезнут после ее завершения. Но в действительности мы видим, как они используют свое выигрышное положение, чтобы добраться до постоянного места у власти. Ни одна система забастовок не решится убить дракона демагогии или хотя бы попытаться предотвратить возникновение независимого руководства (см. ч. IV, гл. 5).

Синдикализм враждебно относится к демократической политике социалистической партии и профсоюзам, поскольку считает, что их демократия – лишь карикатура на основополагающий принцип рабочего движения, на демократической земле они собирают плоды олигархии. Ни одно другое движение так энергично не опирается на право и способность масс к самоуправлению, как синдикализм. В тех странах, где рабочее движение находится во власти синдикалистов, например во Франции, они с особым рвением настаивают на том, что их полномочия ограничены выполнением решений, принятых на независимых партийных собраниях. По их словам, Генеральная конфедерация труда, которая заседает в Париже, – не управляющий орган, а инструмент для координации и расширения революционной деятельности рабочего класса. Конфедерация в одинаковой степени далека от централизма и авторитаризма[544]. Любой импульс исходит со стороны масс, интересы которой она и представляет. Во время забастовки власть Конфедерального комитета не выполняет директивных функций, но распространяет идеи солидарности, *suractivite* и *polarisation* [545]. Но это теория. На практике же при решении любых важных вопросов массы ждут указаний сверху, а если их нет, сидят сложа руки[546].

Как и в любых группах, для которых характерна демонстративная демократическая идеология, в среде синдикалистов господство лидеров часто принимает завуалированные формы. Во Франции лидерам профсоюзов запрещено баллотироваться на выборах депутатов, поскольку они должны быть защищены от любых нечистых контактов. Они должны сохранять постоянную связь с массами, а их деятельность должна быть полностью прозрачна. Но их положение часто обязывает – в интересах профсоюзов – вступать во взаимоотношения с государственными органами, поэтому их антипарламентская позиция

зачастую сводится лишь к переносу переговоров с открытого, хотя бы отчасти доступного подчиненным пути парламента в его потайные задние комнаты[547].

У лицевой стороны «массовой теории» синдикализма есть весьма любопытная изнаночная сторона. В профсоюзные организации, как правило, вступает наименьшая часть организованных партийных масс: 11 % в Италии, 23 % в Англии, 43,21 % – самый высокий процент – в Швеции. Лишь меньшинство организованных рабочих принимают активное участие в жизни союза. Синдикалисты одновременно восхищаются этим фактом и сожалеют о нем, руководствуясь не вполне логичными соображениями. Они счастливы избавиться от мертвого груза безразличия и незрелости[548]. Возможно, в основе такого отношения лежит старая бланкистская идея, что многочисленные и идейно неоднородные массы из-за своей неповоротливости парализуют любую деятельность, а на борьбу способно лишь просвещенное меньшинство.

Если бы синдикалисты были достаточно последовательными, они пришли бы к выводу, что массовое движение современного пролетариата непременно должно быть делом меньшинства просвещенных пролетариев. К этому положению, однако, синдикалисты в соответствии с описанными основными демократическими тенденциями нашего времени относятся с большой осторожностью. Подобная теория привела бы синдикалистов к противоречию с демократией, вынужденному отказу от демократических принципов, они оказались бы вынуждены объявить свое движение олигархической системой. Теоретически олигархия заключается не во власти лидера над массами (социал-демократия), а во власти небольшой части массы, меньшинства, над большинством. Некоторые теоретики синдикализма открыто заявляют, что его успешное развитие обеспечивают действия рабочих элит[549].

Олигархический характер синдикалистского движения наиболее ярко проявляется в требовании, причины которого не имеют отношения к демократии, – абсолютного подчинения со стороны масс. «Равнодушные, просто игнорируя тот факт, что они не сформулировали свои требования, должны молчаливо соглашаться с принятыми решениями»[550]. Следуя примеру реформистских профсоюзов Германии и Англии, французские профсоюзы, вдохновленные доктриной синдикализма, придерживаются принципа, согласно которому организованные рабочие обязаны отдавать приказы неорганизованным. Стоит признать, что высшие органы французского рабочего движения не обладают такими обширными полномочиями, которыми располагают соответствующие инстанции в других странах, прежде всего в Германии. Эту разницу можно объяснить различными причинами, например национальным характером французов, слабостью организаций и т. д. Здесь теория тоже значительно расходится с практикой. Во Франции лидеры в первую очередь оказывают мощное влияние на соратников по партии через газеты, которые, как известно, редактируют не народные массы. Кроме того, существует целая группа «младших командиров». Число профсоюзных активистов, состоящих в конфедерации, составляет приблизительно 350 тысяч человек, число подписчиков центрального печатного органа конфедерации – *Voix du Peuple* – не превышает 7 тысяч. Первых называют «самыми активными борцами, членами профсоюзных отделений и торговых советов... Благодаря их посредничеству распространяются идеи конфедерации»[551]. Мы видим, как открыто признается распределение властных

отношений, которое по сути противоречит теории синдикализма. Даже всеобщая забастовка задумывалась во Франции как иерархическая процедура. На упомянутом съезде в Нанте (1894) была принята резолюция, которая утверждала, что всеобщая забастовка должна быть подготовлена заранее центральным комитетом, состоящим из одиннадцати членов, а также целым рядом местных подкомитетов, которые должны были объявить о начале забастовки и руководить ее дальнейшим развитием. Сегодня синдикалисты считают подобный подход якобинским[552]. Но тем не менее они вынуждены ему следовать, несмотря на очевидное теоретическое противоречие. В работах некоторых французских писателей-синдикалистов, склонных к эстетике, таких как Эдуард Берт, мы видим, как в этой теории прорастает зерно якобинства[553].

Чем сильнее становится влияние синдикализма во Франции, тем ярче в нем проявляются последствия, вызванные системой представительств в целом. Возникает власть, чья чувствительность к критике со стороны товарищей может сравниться только с чувствительностью лидеров английских профсоюзов[554]. В действительности юный синдикализм, возникший из оппозиции авторитарной власти, никак не может избежать влияния олигархических тенденций. Для них высший закон – это сохранение собственной власти. Ради нее они отказались от старой тактики активной агитации и героической, пророческой риторики, которой они следовали на протяжении многих лет. Вместо нее принят принцип осторожности – и дипломатической сдержанности[555].

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:57:54

Зверобой обновил 19 января 2026 23:58:06